

Глава 26. Удар в самое сердце

Фея Гушэ молча окинула братьев ледяным взглядом. Она-то надеялась, что Юй Шаолин обратит на неё хоть каплю внимания, но тот был полностью поглощен заботой о собственном брате и даже не взглянул в её сторону. Она едва не задохнулась от злости.

Не медля больше ни секунды, она задействовала технику «Легкость перьевого плетения».

Её аура разительно отличалась от мощи Чжу Чжояна. Духовная сила соткала вокруг её тела плотное, сияющее одеяние, а высвобождаемая энергия струилась чистейшими концентрированными нитями.

Бесчисленные тончайшие нити, подобные растрепанным шелковым волосам красавицы, вырвались из её тела и устремились к висевшей над алтарем картине, в мгновение ока спеленав её плотным коконом.

Юй Шаолин, прекрасно знавший особенности этой техники, понимал: сейчас произойдет мощный взрыв, который обратит всё в пепел. На картине улыбалась прекрасная женщина, чей нежный взгляд дарил ему странный покой и умиротворение. Но когда сияющие нити начали закрывать её лицо, сердце Шаолина болезненно сжалось.

Вдруг чья-то прохладная ладонь мягко коснулась его руки.

Это был Шаоли.

Словно угадав его мысли, юноша небрежно, но с абсолютной уверенностью произнес:

— Брат, не стоит так переживать. Ей всё равно не уничтожить эту картину.

Юй Шаолин изумленно обернулся. Шаоли тихо стоял позади него. В его волосах красовалась лишь одна нефритовая заколка-цветок — его подарок, отливающий сочной, почти влажной зеленью.

И слова его тут же подтвердились. Фея Гушэ вдруг глухо застонала. Сотканное из духовной силы нити мгновенно растаяли в воздухе, а покров перьевого плетения исчез. Она покачнулась и тяжело сплюнула кровь.

— Линлин! — Чжу Чжоян первым бросился к ней. Побледнев, он подхватил её под руки. — Ты как? Цела?

Фея лишь слабо покачала головой, не сводя с картины бессильного и злого взгляда.

Юй Шаолин не обратил внимания на её досаду. Он заворуженно смотрел на полотно, чувствуя себя в тупике.

«Неужели всё настолько сложно? Даже каноничная техника «Легкость перьевого плетения» не справилась?»

Он принялся пристально разглядывать рисунок и вскоре поймал себя на том, что не может оторваться. Словно поддавшись неведомому зову, он неосознанно сделал шаг вперед, вплотную приблизившись к алтарю.

Женщина на портрете по-прежнему смотрела свысока, но в её облике сквозила странная теплота. Оружие, которое она прижимала к груди, показалось Юй Шаолину смутно знакомым. Этот меч... он выглядел точь-в-точь как тот, которым он владел в прошлой жизни.

Повинуясь порыву, он протянул руку, желая коснуться нарисованного клинка. Однако не рассчитал усилий — и случайно сорвал картину со стены.

Юй Шаолин замер в полном недоумении. Ситуация мгновенно стала донельзя неловкой.

Все трое застыли, молча переглядываясь.

Пытаясь как-то разрядить обстановку, Шаолин неловко рассмеялся, собираясь сказать, что, мол, цель достигнута и теперь они могут разобраться с личинками земляного демона. Однако осёкся: за снятым холстом на стене покоился настоящий меч.

Он был в точности такой же, как на картине — иссиня-черный, удивительно простой и древний. Никаких изысков или украшений, обычное оружие, если бы не одна деталь: на ножнах виднелась едва заметная зазубрина.

Это был его меч. Тот самый, с которым он не расставался в прошлой жизни!

Потрясенный Юй Шаолин потянулся к рукояти, но Чжу Чжоян оказался быстрее. Перехватив его руку, молодой человек ледяным тоном бросил:

— Не смей трогать!

— На этом мече всё еще могут быть взрослые особи земляного демона, молодому главе павильона лучше побережь себя, — поспешно добавила фея Гушэ.

Шаолин вспомнил об опасности и уже собирался отступить, как вдруг раздался чистый, холодный голос Шаои:

— А там действительно есть взрослые особи?

«Что это значит?»

Юй Шаолин нахмурился, а фея Гушэ и Чжу Чжоян мгновенно помрачнели.

Шаолин интуитивно почуял неладное. И не ошибся — соперники атаковали одновременно. Чжу Чжоян рванулся к мечу, а фея преградила путь Шаолину и Шаои, явно пытаясь связать их боем.

Беспокоясь за Шаои, Шаолин заслонил его собой, из-за чего упустил драгоценное мгновение. Фея Гушэ нанесла стремительный удар, и ему пришлось принять его на себя. Воспользовавшись заминкой, он выхватил из-за пояса флейту из белой яшмы. К этому моменту Чжу Чжоян уже успел схватить меч со стены и, заметив действия противника, издевательски фыркнул:

— Жалкие книжники из Павильона Кислых Книжников... Думаешь, твоя дудочка тебе поможет? Линлин, уходим...

Договорить он не успел: над храмом разнеслись первые звуки флейты.

Хотя техника «Двенадцать мелодий санскритской дьявольской музыки» предназначалась для борьбы с демонами, она была соткана из мощнейшей духовной энергии, способной затуманить разум любого человека. К тому же Юй Шаолин заиграл «Разрушитель армий» — самую сокрушительную из всех мелодий.

Чжу Чжоян запнулся на полуслове. Под воздействием музыки реальность вокруг него поплыла, и перед глазами замелькало множество двойников Юй Цюэ. Растерявшись, он беспомощно завертелся на месте.

Фея Гушэ держалась стойче, но и она потеряла ориентиры, не в силах определить, откуда доносится звук. Ей пришлось зажмуриться, пытаясь восстановить душевное равновесие.

Продолжать атаку они больше не могли — инициатива полностью перешла к Шаолину.

Раздался испуганный крик Чжу Чжояна:

— Мой меч!

В следующее мгновение трель флейты оборвалась. Юй Шаолин стоял в нескольких шагах от них, держа в руках отнятый клинок.

— Зачем вам этот меч? — сурово спросил он.

Чжу Чжоян, сгорая от злости и досады, наотрез отказался отвечать прямо:

— Ты победил нечестно! Использовал свои грязные трюки, чтобы затуманить нам разум! Если у тебя есть гордость, сразись со мной лицом к лицу!

Юй Шаолин одарил его презрительным взглядом и резко выхватил клинок из ножен. Стремительный росчерк лезвия породил ослепительную волну энергии, которая начисто срезала прядь волос у виска Чжу Чжояна.

— То, что я не пустил в ход оружие раньше — моя милость, — холодно произнес Шаолин. — Из уважения к нашему союзу я оставил тебе жизнь лишь для того, чтобы задать вопросы. Будешь и дальше нести чушь — я прикончу тебя прямо здесь.

Он не собирался церемониться. Ему давно хотелось проучить этого заносчивого барчука и доходчиво объяснить: мир — это не мамочка, нянчиться с ним никто не станет.

Угроза возымела действие — Чжу Чжоян мгновенно притих.

Тогда Шаолин повернулся к фее Гушэ. Помня о том, что перед ним дама, он заговорил чуть мягче:

— Фея тоже предпочтет промолчать?

Дин Линлин прикусила губу, напряженно всматриваясь в его лицо, и вдруг тихо произнесла:

— Молодой глава павильона, мы можем поговорить наедине?

«Наедине? Но где?»

Юй Шаолин огляделся. Крошечный храм просматривался насквозь, и единственным уединенным местом был алтарь, скрытый тяжелыми шторами. Немного поколебавшись, он повернулся к Шаои:

— Шаои, выведи Чжу Чжояна на улицу.

Однако Шаои не шелохнулся. Он смерил брата ледяным, застывшим взглядом, напоминающим чистейший горный снег:

— Брат, неужели у вас есть секреты, которые мне знать не положено?

«Да не в этом же дело! Это фея просит поговорить без свидетелей!»

Юй Шаолин почувствовал себя совершенно без вины виноватым. Ему во что бы то ни стало нужно было выяснить, почему его прежний меч вызвал такой переполох.

— Будь умницей, подожди меня снаружи, — ласково попытался он урезонить «брата». — Я очень быстро.

Шаоли продолжал упрямо стоять на месте. Он смотрел молча, и взгляд его казался колючим, хотя в самой глубине глаз затаилась детская обида.

Сердце Юй Шаолина мгновенно растаяло от нежности. Не удержавшись, он шагнул вперед, обхватил ладонями это безупречное, прекрасное лицо и слегка сжал его щеки, превращая в забавную рожицу.

— Послушайся меня. Обещаю, я мигом.

Опешивший Шаоли послушно позволил вытолкнуть себя за порог. Когда он пришел в себя, занавески алтаря уже задернулись, а рядом остался лишь связанный Чжу Чжоян, который злобно сверлил его взглядом.

Шаоли проигнорировал пленника. Кожа на его щеках всё еще хранила тепло ладоней Юй Шаолина. Это прикосновение принесло с собой удивительное чувство защищенности и покоя.

Он невольно коснулся лица кончиками пальцев, словно пытаясь продлить это мимолетное мгновение. Нежность брата согревала душу, прогоняя вечный внутренний холод.

Он едва заметно улыбнулся. Привычная ледяная пустота в груди постепенно заполнялась долгожданным теплом.

Но не успел он полностью погрузиться в это редкое мгновение счастья, как из-за алтарного занавеса донесся испуганный вскрик.

«Брат!»

Его слух был невероятно чуток к голосу Шаолина. Шаоли мгновенно сорвался с места, рванул на себя тяжелую занавесь и ворвался внутрь — но тут же застыл на пороге, пораженный увиденным.

Шелковые шторы колыхались от резкого порыва ветра. Тот самый человек, чьи ладони только что дарили ему нежное тепло, теперь стоял в объятиях другой.

Одежда Юй Шаолина была растрепана и полусброшена, обнажая белизну худого плеча. Его лицо полыхало ярким румянцем, выдавая крайнее смущение. Эта картина, словно острый клинок, безжалостно вонзилась в самое сердце Шаои.

<http://bllate.org/book/18172/1751851>